
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 80—92
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.7

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 80—92
ББК 63.3(2)6-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.7

В. Д. ЗАПОРОЖСКАЯ — УЧЕНЫЙ-СИБИРЕВЕД: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

Е. А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru

Предметом исследования является гендерный аспект личной истории выдающегося, но пока еще недостаточно известного сибиреведа, археолога, талантливое художника В. Д. Запорожской (1914—1985). Цель статьи — на основании анализа материалов устной истории проследить не столько важнейшие вехи ее жизненного пути, сколько динамику рефлексии этим незаурядным человеком социальных «тектонических сдвигов» в контексте событий российской истории (1914—1980-е гг.). Анализ текстов бесед с В. Д. Запорожской показал: 1) вписанность ее личной истории в исторический контекст нескольких эпох, где латентно, но неизменно господствовал примат мужского доминирования; 2) женскую доминанту ее ментальности, ориентированной главным образом на обстоятельства и эмоциональное переживание последствий событий своей судьбы; 3) выраженную связь между стабильностью/мобильностью социальной структуры в разные исторические периоды и реальностью ее индивидуальных начинаний, которые в ущерб себе она постоянно направляла на организационно-научную помощь мужу. Поэтому история жизни этой образованной женщины, прошедшей испытание революциями, войнами, сменами политических режимов, с позиций гендерной теории определялась не столько природой, сколько культурой российского общества конкретной исторической эпохи.

Ключевые слова: устная история, женщина-ученый, история России (1914—1981), гендерные стереотипы.

**V. D. ZAPOROZHSKAYA — A SPECIALIST IN SIBERIAN STUDIES:
THE GENDER ASPECT OF THE PERSONAL HISTORY***E. A. Okladnikova*

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
okladnikova-ea@yandex.ru

V. D. Zaporozhskaya (1914—1985) is a bright representative of a large social group of Russian society — educated women. The subject of our research is the gender dimension of her personal history (based on oral history of outstanding, but not well-enough known specialist in Siberian studies, an archaeologist and a talented artist V. D. Zaporozhskaya. The aim of this article is to trace the major milestones of her life as well as to analyze the dynamics of this extraordinary woman's introspection of social "tectonic shifts" in the context of the events of Russian history (1914—1980-s). The analysis of transcripts of conversations with V. D. Zaporozhskaya showed to us: 1) the inclusion of her personal story in the historical context of several epochs, where the primacy of male dominance was latent, but always present; 2) the dominant femininity of her mentality, focused not so much on purpose, but on the circumstances and emotional experience of the consequences of the events of her life; 3) correlation between stability/mobility of the social structure in different historical periods and reality of her individual endeavors that she constantly directed on organizational and scientific assistance to her husband. Therefore, the story of the life of this educated Russian woman, who passed the test of revolutions, wars, changes of political regimes, from the standpoint of gender theory, is determined not so much by Nature as it is by culture of the Russian society of specific historical periods.

Key words: oral history, a female scientist, history of Russia (1914—1981), gender stereotypes.

Даже на страницах специальных гендерных изданий анализу устных историй выдающихся женщин как представительниц крупных социальных групп (политические деятели, феминистки, ткачихи, медсестры и др.) уделяется не очень много внимания, хотя есть и весьма интересные публикации (см., напр.: [Бояринова, 2016; Карабанова, 2005]). Эмпирические гендерные исследования, как правило, носят микросоциологический характер, так как осуществляются в небольших коллективах и на уровне микрогрупп. Они направлены на выявление статусных отношений между представителями двух крупных общностей: мужской и женской. Выводы этих исследований имеют «сигнальный характер» [Силласте, 2004: 80]. В истории общества такие темы, как «Девияция», «Тюрьма», «Женщина», тем более «Образованная женщина», «Женщина-ученый», долгие столетия оставались периферийными. Несмотря на ряд важных для нашей работы публикаций, даже беглое знакомство с их содержанием дает представление о том, что современная наука имеет мужское лицо. Основные выводы, к которым пришли исследователи темы «Женщина-ученый», следующие: 1) на фоне дискриминации женщин-ученых происходит феминизация кадрового состава науки в России [Агамова, Аллахвердян, 2000]; 2) общественное мнение отводит им непривлекательную роль обслуживающего персонала в научном

сообществе [Пушкарева, 2013], при этом наделяя их образы такими качествами, как увлеченность наукой, нестяжательство, женственность, воля и твердость характера [Любчанская, 2011; Емельянова, Щавелева]; 3) несмотря на то что закрепленные законодательством равные права с мужчинами, казалось бы, обеспечивают возможности карьерного роста женщин в науке, гендерная асимметрия и недостаток «нормальной семьи», в которой муж обязательно доминирует, блокируют их творческую инициативу [Пушкарева, 2004, 2010, 2014].

Методика исследования

Вместе с интересом к прикладным аспектам гендерной теории, например к устной истории женщин, в социологии постепенно обретают признание качественные социологические методики: биографический метод и метод нарративного интервью. Эти методики обладают высоким аналитическим потенциалом, так как позволяют: 1) описать элементы изучаемого явления; 2) выяснить причины, которые лежат в их основе; 3) проявить степень устойчивости, распространенности и изменчивости данного явления. Сбор материалов для статьи проводился методом нарративного интервью* с использованием биографических методик (метод устной истории, анализ самоописания респондентом личной истории). Обработка результатов исследования осуществлена на основании типологической методики и работы с документами, которые хранятся в архиве Института истории материальной культуры (например, личное дело А. П. Окладникова), научными публикациями В. Д. Запорожской, материалами Архива РАН (собрание рисунков В. Д. Запорожской). Типологический анализ предполагает определение категориального аппарата, позволяющего не только описать содержание высказываний респондента, но и выявить их символическую нагрузку. Система категорий, раскрывающих идейную нагрузку рефлексии респондентки по поводу гендерного аспекта ее личной истории, как нам представляется, укладывается в аналитическую схему гендерных теорий, которые разрабатывались на Западе теоретиками феминизма (Н. Ходоров, К. Гиллиган, Г. Рубин, К. Миллет и др.).

Выбранная нами методика нарративного интервью позволила: 1) выявить социальную идентификацию респондентки на разных этапах становления ее как личности; 2) определить способ осмысления и преодоления ею кризисных ситуаций своей жизни; 3) услышать мнение В. Д. Запорожской о значении важных исторических событий, оказавших влияние на ее судьбу в науке; 4) узнать не только то, чем бы хотела она заниматься, но и ее мнение о своей деятельности; 5) узнать о ее желаниях, работе ее воображения, личных способах осмысления и конструирования социальной реальности. Такой метод открывает для исследователя возможности не простой фиксации и описания фактов, но более глубокого их понимания с учетом личного опыта Другого, т. е. нашей респондентки как представительницы большой социальной группы — образованных женщин России. Исходя из постулатов типологического анализа [Татарова, 1998], в настоящей статье мы руководствовались не столько принципами истории женщин,

* В архиве автора хранятся 54 транскрипта глубинных интервью с В. Д. Запорожской, сделанных в 1980-х гг. в Ленинграде, а также воспоминания о ней сестры А. П. Окладникова З. П. Окладниковой.

предполагающими создание исторического портрета женщины-ученого, сколько требованиями учета исторического контекста, на фоне которого рассматривали представления В. Д. Запорожской о соотношении социальной и гендерной иерархий, социальной и гендерной мифологии, наконец, о ее личной гендерной истории. На основании видения нашей респонденткой ее личной истории мы сконструировали следующие *аналитические категории*: 1) гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, социальная иерархия); 2) счет родства; 3) гендерный принцип организации жизненных приоритетов; 4) характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты); 5) социально-психологические характеристики респондентки.

Эволюция взглядов нашей респондентки укладывается в историческую схему потестарно-гендерных отношений (отношения доминирования/подчинения) в России, которая представлена в работе О. А. Хасбулатовой [Хасбулатова, 2001].

Краткая научная биография

В. Д. Запорожская родилась в Чите (30 сентября 1914 г.), детство и юность провела в Иркутске. После окончания средней школы она поступила в Иркутское художественное училище, которым в то время руководил известный в Сибири художник и педагог И. Л. Копылов, первым отметивший ее художественный талант. Еще в годы обучения в училище Вера Дмитриевна чувствовала: ее призвание — стать театральным художником. Работать она устроилась в Иркутский краеведческий музей, где трудился стекольщиком ее отец. В музее она проработала с 1930 по 1934 г. Именно там она встретила талантливого археолога, заведующего отделом палеолита А. П. Окладникова. Их свадьба состоялась в июне 1932 г. Матери, тогда гостившей у родственников в Донецке, Вера Дмитриевна послала короткую телеграмму: «Замужем, благослови, Вера» (архив автора). В 1934 г. она приезжает в Ленинград вместе с мужем, поступившим в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) по направлению «История докапиталистических обществ». Она многое успевает в эти годы: поступает в Академию художеств, затем проходит школу лаборантской работы в Государственном Эрмитаже под руководством выдающегося археолога М. П. Грязнова, работает лаборантом в ГАИМК. При ГАИМК Вера Дмитриевна заканчивает курсы счетоводов и бухгалтеров, постигает искусство документальной фотографии. Все весенне-летне-осенние сезоны в 1930-х гг. она с мужем проводит в экспедициях, организуемых сначала Иркутским краеведческим музеем, а затем ГАИМК. Материалы этих исследований легли в основу работ по археологическому изучению районов будущих новостроек: Ангарской, Усть-Илимской, Братской ГЭС. Полученные археологические материалы фундировали книги, которые написали потом В. Д. Запорожская и А. П. Окладников. В 1939 г. она вместе с мужем открывает ныне всемирно известную стоянку Буреть. Там ими было найдено уникальное изображение палеолитической Венеры — костяной антропоморфной фигурки в меховом комбинезоне. Именно Вера Дмитриевна зарисовывала находки в Бурети, чертила планы жилищ, вела фотофиксацию этого уникального палеолитического памятника.

В. Д. Запорожская принимала активное участие в полевых работах по изучению неолитических и энеолитических погребений в Ангарском регионе, т. е. в поисках «первого американца», как об этом потом написал американский антрополог А. Хрдличка, встречавшийся с В. Д. Запорожской и А. П. Окладниковым на Ангаре в 1939 г. Вот где пригодился художественный талант Веры Дмитриевны и ее тонкая научная интуиция. В эти годы она виртуозно выполнила ныне классическую, вошедшую во все учебники истории культуры народов Сибири реконструкцию одежды людей эпохи ангарского неолита. Ее реконструкция — блестящий пример комплексного историко-художественного исследования: в костюме представлены украшения из нефрита, клыков марала, перламутра, передан покроем одежды, сочетавший «тунгусский фрак» и тунгусский передник.

Полевые сезоны 1938 г., а затем и сезоны первых послевоенных лет В. Д. Запорожская проводит в Средней Азии, в археологическом отряде мужа. Целью работ этого отряда комплексной археологической экспедиции М. Е. Массона было изучение каменного века. Именно в той экспедиции Запорожской и Окладниковым было открыто погребение мальчика-неандертальца. Публикация находки стала звездным часом в научной карьере А. П. Окладникова. В послевоенные годы В. Д. Запорожская принимает участие в археологическом изучении Туркменских пустынь, в открытии мезолитического погребения около пещеры Кайлю, неолитической «ювелирной мастерской» около горы Куба-Сенгир, раскопках в пещере Дам-Дам Чемше.

В 40-х гг. полевые исследования В. Д. Запорожской и А. П. Окладникова проходили в Арктике. В экспедициях на реке Лена она провела шесть лет. Эта хрупкая женщина «с классической фигурой и длинной косой» (архив автора) прошла на веслах тысячи километров, т. е. весь путь от села Качуга на Верхней Лене до острова Тийт-Ары на Нижней Лене. Она научилась управлять парусом, чувствовать течение великой сибирской реки, противостоять непогоде и «низовке» — коварному ветру, который тащит лодку не вниз, а, наоборот, вверх по реке. Она вложила много духовных и интеллектуальных сил в капитальный труд своего мужа «История Якутии»: чертила, рисовала, фотографировала, делала планы раскопов, вела полевые дневники. Вдвоем с мужем они изучали зимовку первых русских мореходов на мысе Баранова (Таймыр, 1948 г.), где она, как обычно, вела расчистку на раскопе, занималась фотофиксацией находок, под постоянным наблюдением голодных белых медведей бесстрашно осуществляла полевую обработку находок. Она проводила археологические исследования на Колыме и в Таджикистане (1948), снова возвращалась на Ангару и Лену (1951), работала в Забайкалье (1947—1951). До последних дней жизни В. Д. Запорожская была погружена в подготовку к печати крупных, ставших ныне классическими исследований по наскальному искусству Сибири и Дальнего Востока — «Петроглифов Средней Лены», «Петроглифов Нижнего Амура», «Петроглифов Забайкалья». В 1970—1980-х гг. она стала одним из ведущих организаторов музея истории и культуры народов Сибири Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР.

Молодые годы

Юность В. Д. Запорожской (конец 1920-х — 1930-е гг.) пришлась на период российской истории, когда уже начал конструироваться социальный стереотип советской женщины, официально равноправной с мужчиной.

Таблица 1

Категории анализа: молодые годы жизни респондента

Единица анализа	Смыслы описания своего гендерного статуса респондентом
Гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, пространственные рамки социальной иерархии)	После свадьбы молодые поселяются в Иркутске в маленьком домике родителей В. Д. Запорожской (далее: В. Д.), куда затем из деревни приезжает мать А. П. Окладникова (далее: А. П.), Анна Аверьяновна, и его сестра. В Ленинграде они сменили несколько адресов проживания, но жилплощадь во всех случаях получал муж, начиная с комнаты в аспирантском общежитии, комнаты на Финляндском проспекте (д. 4/15) [Архив ИИМК]. Пространственные рамки социальной иерархии В. Д. в этот период полностью укладываются в парадигму «женщина — организатор труда и быта мужчины» при господстве легко читаемого через социальные ритуалы примата мужского доминирования
Счет родства по мужской линии	У В. Д. было желание взять фамилию мужа, но это желание не осуществилось в силу случайности. Как рассказывала сама В. Д., когда в ЗАГСе Иркутска происходила регистрация брака, на вопрос зав. ЗАГСом: «Как ваша фамилия, невеста?» — В. Д., не подумав, что речь идет о ее будущей фамилии, машинально ответила: «Запорожская», что и было зафиксировано в документах (архив автора). В тот день на эту деталь молодые не обратили никакого внимания
Гендерный принцип организации жизненных и карьерных приоритетов	В. Д. активно училась (Академия художеств, курсы счетоводов и бухгалтеров, самообразование в области фотографирования), но в экспедициях она числилась в скромной должности старшего лаборанта. На практике же сфера ее ответственности распространялась на замещение должности заместителя начальника отряда по организационным вопросам, художника, топографа, бухгалтера и т. п.
Характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты)	А. П. искренне любил жену, но это не помешало ему настоять на том, чтобы она ушла со второго курса Академии художеств, так как ее студенческая жизнь не стыковалась с графиком работы в экспедиции. Скромными финансами в семье ведала В. Д., зарабатывали они вместе, все деньги тратились на еду и книги. Тем не менее когда однажды В. Д. сделала макияж (накрасила губы), муж сурово предупредил: «Если еще раз увижу, вытру половой тряпкой» (архив автора)
Социально-психологические характеристики респондентки	В те годы В. Д. отличали следующие качества: отсутствие стремления сделать свою карьеру, полная солидарность с устремлениями и работой мужа, постоянный душевный подъем, рабочий энтузиазм, глубокая заинтересованность в поисковой деятельности, интуитивная солидарность с программными заявлениями партии о полном решении «женского вопроса»

Первым фактором, который еще в юности оказал влияние на личность В. Д. Запорожской, была мировоззренческая революция как следствие Октябрьской революции. Роль женщин в Советской России, с точки зрения взявших власть большевиков, должна была разительно измениться по сравнению с их ролью, определенной предписаниями «Домостроя» [Домострой, 1994]. *Вторым фактором*, повлиявшим на формирование системы ценностей и психологические установки В. Д. Запорожской, стал быт ее семьи. Отец Веры Дмитриевны был предприимчивым деловым человеком. Происходил он из богатой купеческой семьи. Но его мать все имущество и финансы передала старшим, как она говорила, непутевым сыновьям. Дмитрий же, по ее мысли, человек умный и дельный, сам всего в жизни мог добиться. И младший сын оправдал ее ожидания: в качестве приданого жены он получил два доходных дома в Иркутске. Отец Веры Дмитриевны был предан своей супруге Надежде, в молодости работавшей златошвейкой. Вместе они подняли на ноги четверых детей. Их младшая дочь, Вера Дмитриевна, была воспитана в духе традиционной русской семьи. Именно этот дух, отраженный в «Домострое», негласно поддерживался общественным мнением и ментальными стереотипами социальной среды России вплоть до конца 1980-х гг. Конечно, женщина после 1917 г. получила доступ к образованию, политике (выборы и участие в органах управления), тем не менее характерные черты повседневной жизни явно указывали на мужское доминирование на всех уровнях социальных отношений в обществе.

Оба этих фактора — мировоззренческая революция и семейные традиции — окрашивали смыслы гендерного статуса, латентно присутствующие в описании Верой Дмитриевной дней своей молодости (табл. 1).

Таким образом, в 1920-х гг. Вера Дмитриевна уже ощутила, что в России закончилась короткая эпоха «советского феминизма». В 1930-х гг. практика самостоятельного женского движения была решительно прекращена директивами «сверху» и государственная политика в отношении женщин начала формироваться без их влияния на процесс принятия решений. Женщина в обществе нового мира, считали взявшие власть в России большевики, — это помощник мужчины. Советская социальная идеология до Великой Отечественной войны руководствовалась положениями, сформулированными Сталиным в Отчетном докладе XVII съезду ВКП (б). Поэтому неудивительно, что уже в молодости В. Д. Запорожская, с одной стороны, испытывала влияние веяний новой идеологии, позволявшей женщине учиться и работать, но, с другой стороны, понимала: это возможно только при условии выполнения ею роли организатора тыла мужчин. В результате в своей жизни она стала следовать стереотипу «персоны научного обслуживания».

Средний период жизни

Конец 1930-х — 1950-е были самыми напряженными годами жизни В. Д. Запорожской с точки зрения полевых археологических исследований. Географический и климатический диапазон экспедиций, в которых работала Вера Дмитриевна только в один полевой сезон, просто потрясает: от Арктики до Туркменской пустыни. Такие нагрузки, перепады температур, помноженные на организационные заботы, груз ответственности могут вынести не всякие закаленные мужчины. При этом стоит помнить, что напряженная научная жизнь проходила для Веры Дмитриевны в противоречивых социальных условиях.

Латентным фактором, оказывающим влияние на жизненные установки В. Д. Запорожской в 1940—1960-е гг., было официальное замалчивание примата норм патриархатного общества. Разумеется, в наших беседах Вера Дмитриевна не описывала события своей личной истории этого периода в категориях гендерной теории. Но смыслы ее высказываний, оценок, мнений об этих событиях явно указывали на влияние норм патриархатного общества. Именно они негласно превалировали в советском государстве (табл. 2).

Таблица 2

Категории анализа: средний период жизни респондента

Единица анализа	Смыслы описания своего гендерного статуса респондентом
Гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, пространственные рамки социальной иерархии)	Жилье по-прежнему числилось за мужем. Это были сначала две, а потом три комнаты в коммунальной квартире на Невском (д. 22, кв. 165), квартира на ул. Ульяны Громовой. В. Д. продолжала помогать мужу в подготовке к изданию книг по археологии и наскальному искусству Сибири, но после рождения дочери уже не выезжала систематически с ним в экспедиции. В конце 1950-х вся семья начала выезжать на раскопки на полуострове Песчаном (Владивосток), на Ангару и в другие регионы Сибири
Счет родства по мужской линии	Когда родилась дочь, она получила фамилию отца — Окладникова
Гендерный принцип организации жизненных и карьерных приоритетов	В. Д. в начале 1950-х продолжает занятия вольнослушателем на курсах при Ленинградской организации Союза художников. Активно помогает мужу в работе. Мыслей о самостоятельной научной карьере у нее нет
Характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты)	В это время начинается недолгий период раздельного проживания супругов, обусловленный необходимостью воспитания дочери. В начале 1960-х А. П. по приглашению М. А. Лаврентьева уезжает в Новосибирск и занимается организацией ИИФиФ СО АН СР. Он постоянно приезжает в Ленинград в зимние месяцы. Летом В. Д. с дочерью приезжают к нему в Академгородок
Социально-психологические характеристики респондентки	В. Д. постоянно ведет активную поисковую работу в научных библиотеках. Творческий энтузиазм продолжает поддерживать ее жизненную активность. Тем не менее появляются мысли о том, что живут они с мужем «как-то не так», не так, как «нормальные обыватели», без мещанского уюта и комфорта. Она чувствует, что живет в вечной спешке, как-то наспех, не так обустроено, как другие, в постоянных ограничениях, посвящая все свое время делу, которому служит муж, т. е. науке

Таким образом, несмотря на формальную свободу и возможность проявления своих талантов, В. Д. Запорожская, будучи очень сильной и незаурядной личностью (муж, уважая твердость ее характера, ум и волю, ласково говорил о ней: «Наша мамочка — кремь»; архив автора), предпочитала оставаться в рамках женского поведения, воспроизводя социальный конструкт феминности. Это не означало, что воссоздание его норм тяготило ее. На уровне подсознания

она, скорее, стремилась к идеалу вечной женственности. Например, Вера Дмитриевна жаловалась, что все годы, проведенные в экспедициях с мужем, время которых приходилось на весенне-летний сезон, ей так ни разу и не удалось надеть легкое крепдешинное платье, босоножки, изящную шляпку. Кирзовые сапоги, парусиновые брюки и «ватный трус», телогрейки, накомарники — вот ее рабочая повседневная одежда с ранней весны до поздней осени. Тем не менее изящные шляпки все же были, но и они ею приспособлялись для работы: элегантными полями она закрывала глаза от солнечных лучей.

С 1930-х гг. в Советской России установился негласный порядок, который предписывал настоящим мужчинам быть полностью вовлеченными в дело, которому они служат («...первым делом, первым делом самолеты, ну, а девушки, а девушки потом»). Предполагалось, что политические лидеры женаты на государстве. Если же их жены начинали вести активную общественную жизнь, это для них могло окончиться печально (ссылка, лагерь). Жены — организаторы тыла своих мужей поощрялись общественным мнением. К таким женщинам (домохозяйки, матери-героини) было подчеркнуто уважительное отношение. Как рассказывала Вера Дмитриевна, супруг не хотел отпускать жену из рамок договора по «обслуживанию мужа». Он был предан делу науки целиком, и вопросы репродукции волновали его гораздо меньше, чем археология. Вера Дмитриевна же не могла принести себя в жертву исключительно науке. Репродуктивный возраст подходил к концу, необходимо было принимать важное жизненное решение. И она приняла его в пользу рождения дочери.

Зрелый период жизни

Осознание того, что почти ничего, по сути, не изменилось в системе гендерного контракта между миром мужчин и миром женщин и в эпоху Н. С. Хрущёва, возникло у В. Д. Запорожской во второй половине 1950-х гг. Общественное мнение освобождало человека работающего (т. е. мужчину) от ответственности за репродуктивную сферу. В. Д. Запорожская регулярно слышала в свой адрес критику от знакомых. Многие из них возмущались, когда ее муж без нее уезжал в поле или отправлялся поднимать Институт истории в Академгородке под Новосибирском, а она воспитывала дочь в Ленинграде: ведь супруги *не должны* проживать отдельно. Когда в семье в их ленинградской коммунальной квартире появлялась домработница, знакомые дамы в один голос утверждали, что дом *должна* вести только жена. А. П. Окладников не вмешивался в рутинные домашние дела, но при этом ни в чем по хозяйству не упрекал супругу. Впереди всегда было столько грандиозных дел, а в ее профессиональных навыках, таланте художника, внимательности исследователя, жизненной мудрости он нуждался постоянно. Поэтому помощь домработницы была кстати. Никогда он не занимался тем, что так часто встречается в отношениях между супругами: реализацией техник мягкого насилия (перенесение конфликта в психику жены, страховка от отказа женщины быть полезной, открытого столкновения и т. п.), цель которых — занять привилегированное положение в отношениях.

Так же как и в молодости, в эти годы Вера Дмитриевна собственной карьеры в мире науки не сделала, в отличие от таких учениц А. П. Окладникова, как выдающиеся ныне женщины-археологи Е. И. Деревянко, З. А. Абрамова или О. В. Дьякова. Но она морально и в деловом плане поддерживала учениц мужа,

восхищалась их достижениями. Оглядывая мысленным взором личную историю, В. Д. Запорожская в конце жизни с горечью думала о том, что все свое время она посвящала тому, к чему призывал ее нравственный долг, т. е. служению научной деятельности мужа, а не воплощению своей мечты — искусству театрального художника (табл. 3).

Таблица 3

Категории анализа: зрелый период жизни респондента

Единица анализа	Смыслы описания своего гендерного статуса респондентом
Гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, пространственные рамки социальной иерархии)	В Академгородке под Новосибирском В. Д. жила в квартире мужа на Морском проспекте, в коттедже в Золотой долине, и это она считала нормальным. В 1970-х гг. В. Д. получает персональную пенсию как заслуженный работник науки. В конце 1960-х гг. она переезжает в Новосибирск, где продолжает работать в ИИФиФ СО АН СССР, помогая мужу в научной деятельности
Счет родства по мужской линии	Внук В. Д., Алексей, после развода родителей также получил фамилию Окладников
Гендерный принцип организации жизненных и карьерных приоритетов	Официальной карьеры в научном мире В. Д. не сделала, да и не стремилась она к этому никогда. Но она обладала большим негласным авторитетом среди сотрудников мужа. Она направляла и контролировала работу лаборантов, организовывала быт и вела домашнее хозяйство. Деловое окружение А. П. слушалось ее, как Бога
Характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты)	До конца дней В. Д. и А. П. сохранили нежные чувства друг к другу. Если и были какие-то поведенческие запреты, то их рамки определялись ценностными ориентирами В. Д., психологическими и социальными установками, которые, с одной стороны, были созвучны времени, а с другой — сформированы установками семьи ее родителей (они вели родовую из среды польского дворянства)
Социально-психологические характеристики респондентки	Оглядываясь назад, В. Д. в конце жизни очень сожалела, что ее социальный статус был ограничен системой научного обслуживания, в то время как именно она внесла неоценимый вклад в полевую, а затем и научную работу А. П. В последние годы жизни она часто задавала себе вопрос: почему она не стремилась завоевать ведущие в административном плане позиции в науке, которой посвятила более 50 лет своей жизни? И действительно, она никогда не сетовала, что не руководит, например, отделом в институте мужа-академика, не имеет научной степени. Но она искренне сожалела, что не стала театральным художником. Она так и не смогла заняться тем, что было для нее эмоционально значимым с точки зрения ее природных талантов и личных интересов. Ее муж относился к ней с глубочайшим уважением и настоящей любовью. Он ценил твердость ее характера, силу воли, житейскую мудрость, глубокий, пронизательный ум и тонкий художественный вкус, деловые и профессиональные навыки

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Женская устная история — это феминистический диалог, даже если собеседница не феминистка. В. Д. Запорожская феминисткой никогда не была. Но история жизни этой выдающейся женщины-ученого — яркое свидетельство становления одного из прогрессивных типов советской женщины. Ее жизненный путь является утверждением женской сути. Беседы с Верой Дмитриевной для нас — это документ общения между женщинами разных поколений. Ее мысли, жизненные установки дали автору статьи многое для познания собственных корней и понимания места женщины в современном мире.

Устная история и ее гендерный аспект оставляют в стороне требования статистики и принцип массовости. Тем не менее именно с помощью устной истории по фрагментам повседневности нам удалось выстроить картину отражения в сознании незаурядного члена советского общества — В. Д. Запорожской — ряда важных, социально и культурно маркированных ситуаций: 1) провозглашения значимости женщины как полноправного члена общества; 2) господства патриархальной идеологии, удерживающей саму структуру нашего общества; 3) тенденции смягчения норм патриархатных социальных ритуалов и ценностей; 4) вербализации понимания урона, который наносит патриархат развитию личности женщины. В свете устной истории В. Д. Запорожская предстает не просто конкретным носителем социально-демографических данных, но и частью истории больших семей как частей больших социальных групп: сначала истории своей родительской семьи, а затем семьи своего мужа, ставшего лауреатом престижных премий, героем социалистического труда, академиком. Устная история Веры Дмитриевны наглядно проявляет вписанность ее самой и ее окружения (родители, родственники, сотрудники) в общий исторический контекст жизни страны, где латентно господствовал и господствует примат мужского доминирования.

Анализ текстов бесед с В. Д. Запорожской подтверждает наблюдения социологов о том, что женщины в своих интервью обращают внимание не на жизненные цели, а на обстоятельства и последствия событий, явлений и процессов своей жизни. Неудивительно, что за описанным Верой Дмитриевной как случай, сила судьбы, обстоятельства и следовавшими за ними добровольными решениями высвечивались «патриархатно» организованные социальные начала бытия. Структура общественных отношений в годы ее жизни становилась все более мобильной, тем самым открывались все большие возможности для смены ею своего социального статуса. Но она так и не решалась его сменить. Вере Дмитриевне много раз в жизни приходилось решать проблему связи между стабильностью социальной структуры и реальностью индивидуальных начинаний. Но каждый раз, и в молодости, когда перед ней была дилемма: Академия художеств или экспедиции с мужем, и в зрелые годы, когда она могла спокойно вести образ жизни обеспеченного человека на пенсии, она выбирала активную деятельность, направленную на организационно-научную помощь мужу.

Тем не менее, несмотря на горечь сожалений В. Д. Запорожской в конце жизни о неосуществленной реализации своего художественного таланта, мы можем и должны учиться у нее «жить решительно». Главное, чем наполнены смыслы ее высказываний, — это призыв к пробуждению женского социального сознания.

Библиографический список

- Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141—153.
- Архив ИИМК (архив Института материальной истории). Ф. 22. Оп. 35. Д. 221.
- Бояринова П. А. Надежда Дурова: феномен гендерного беспокойства в России в первой половине XIX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 57—68.
- Домострой. СПб.: Наука, 1994. 134 с.
- Емельянова Т. П., Щавелева М. А. Социальные представления о женщине — научном работнике. URL: <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html> (дата обращения: 12.03.2017).
- Карабанова А. М. А. В. Тыркова — женщина-лидер кадетской партии: особенности социализации и политической карьеры // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 60—72.
- Любчанская Т. В. Женщина-археолог глазами современных студентов-историков // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). С. 161—165.
- Пушкарева Н. Л. Женщины в российской науке: два столетия дискриминации // Женщина плюс... 2004. № 3 (31). С. 46—54.
- Пушкарева Н. Л. Женщины в российской науке конца XX — начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 24—35.
- Пушкарева Н. Л. «Ума не надо»: социальные представления о женщине — научной работнице в постсоветском обществе // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 89—98.
- Пушкарева Н. Л. «Нелегко говорить об этом»: женщины-ученые о влиянии научных занятий // Вестник Тверского государственного университета. 2014. № 3. С. 105—119.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 77—86.
- Татарова Г. Г. Типологический анализ в социологии: методологические предпосылки и эмпирическая интерпретация: дис. ... д-ра социол. наук. М., 1998. 87 с.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 34—53.

References

- Agamova, N. S., Allakhverdian, A. G. (2000) Rossiiskie zhenshchiny v nauke i vyssheĭ shkole: istoriko-nauchnye i naukovedcheskie aspekty [Russian women in science and higher education: historical and scientific aspects], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 1, pp. 141—153.
- Boiarinova, P. A. (2016) Nadezhda Durova: fenomen gendernogo bespokoĭstva v Rossii v pervoi polovine XIX v. [Nadezhda Durova: phenomenon of gender trouble in Russia in the first half of the XIX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—68.
- Domostroĭ* (1994) St. Petersburg: Nauka.
- Emel'ianova, T. P., Shchhaveleva, M. A. *Sotsial'nye predstavleniia o zhenshchine — nauchnom rabotnike* [Social ideas about a woman scientist], available from <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html> (accessed 12.03.2017).

- Karabanova, A. M. (2005) A. V. Tyrkova — zhenshchina-lider kadetskoї partii: osobennosti sotsializatsii i politicheskoi kar'ery [A.V. Tyrkova — female leader of the Cadet Party: features of socialization and political career], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 60—72.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: the specifics of the Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 34—53.
- Liubchanskaia, T. V. (2011) Zhenshchina-arkheolog glazami sovremennykh studentov-istorikov [Woman-archaeologist through the eyes of modern students-historians], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (216), pp. 161—165.
- Pushkareva, N. L. (2004) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke: dva stoletii diskriminatsii [Women in Russian science: two centuries of discrimination], *Zhenshchina plus...*, no. 3 (31), pp. 46—54.
- Pushkareva, N. L. (2010) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke kontsa XX — nachala XXI veka: obobshchenie kolichestvennykh kharakteristik [Women in Russian science at the end of the XX and beginning of the XIX century: a compilation of quantitative characteristics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 24—35.
- Pushkareva, N. L. (2013) “Uma ne nado”: sotsial'nye predstavleniia o zhenshchine — nauchnoi rabotnitse v postsovetskom obshchestve [“Mind is not necessary”: social ideas about a woman — a scientific worker in the Post-Soviet society], *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4, pp. 89—98.
- Pushkareva, N. L. (2014) “Nelegko govorit' ob etom”: zhenshchiny-uchenyie o vliianii nauchnykh zaniatii [“It's not easy to talk about this”: women scientists about the impact of scientific studies], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 105—119.
- Sillaste, G. G. (2004) Gendernaia sotsiologiia: sostoianie, protivorechiia, perspektivy [Gender sociology: state, contradictions, perspectives], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 77—86.
- Tatarova, G. G. (1998) *Tipologicheskii analiz v sotsiologii: metodologicheskie predposylki i empiricheskaia interpretatsiia*: Dis. ... d-ra sotsiol. nauk [Typological analysis in sociology: methodological prerequisites and empirical interpretation: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.

Статья поступила 16.04.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Окладникова Елена Алексеевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).